

Полякова Галина Вениаминовна

МОТИВ УМИЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье исследуется духовно-нравственный опыт героев русской литературы на путях земной любви человека к человеку и в минуты молитвенного умиления в сакральном пространстве православного храма. Автор обращается к идеологеме "русская духовная лестница" и рассматривает некоторые аспекты её образного воплощения в отечественной словесности в соотношении с первообразом Лествицы из книги Иоанна Лествичника "Лествица, возводящая на небо". В этой традиции умиление понимается как одна из ступеней русской духовной лестницы, соединяющая любовь и духовную радость, а также как катарсис душевный, которому предшествуют страдание, смирение и чувство всеответственности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 36-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

По-видимому, не будет несправедливым ассоциировать подобные эпизоды фонтаневской прозы с феноменом «рождения наблюдателя» [5, с. 8], как «переходом от умозрения к зрению», – одним из важнейших индикаторов эпохи модерна. Ср. также рассуждения Никласа Лумана, согласно которому сущность современного искусства и сводится к тому, чтобы «наблюдать за тем, как кто-то наблюдает этот мир» (“eine Kunst, die die Welt beim Beobachtetwerden beobachtet“ [11, S. 40]). Соответственно, в случае Фонтане эффект наблюдателя будет присутствовать даже в двойном смысле, ибо читатель как «наблюдающий за наблюдателем» неизменно ценностно со-участвует ситуации, реализуя потенциал аутентичности, заложенный в подобных сценах «персонализированного» и потому неизменно «фрагментарного» видения.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 26-89.
2. **Вальцель О.** Проблема формы в поэзии (вступительные замечания) [Электронный ресурс] / пер. с нем. Пг.: Academia, 1923. URL: <http://www.opojaz.ru/walzel/walzel.html> (дата обращения: 21.03.2016).
3. **Манн Т.** Старик Фонтане / пер. с нем. // Манн Т. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1960. Т. 9. С. 430-438.
4. **Михайлов А. В.** Детализация действительности у Теодора Фонтане // Михайлов А. В. Языки культуры: сб. тр. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 377-403.
5. **Ямпольский М.** Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 344 с.
6. **Adorno Th.** Wörter aus der Fremde // Adorno Th. Noten zur Literatur. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1974. S. 216-233.
7. **Bruyn G. de.** Fontane // Literatur-Lexikon: in 12 Bd. Autoren und Werke deutscher Sprache / Hrsg. v. W. Killy. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. Bd. 3. S. 430-452.
8. **Fontane Th.** Effi Briest // Fontane Th. Gesammelte Werk: in 6 Bd. München: Nymphenburger, 1979. Bd. 3. S. 1-317.
9. **Fontane Th.** Werke, Schriften und Briefe: in 5 Bd. München, 1976-1994. Abt. IV: Briefe.
10. **Fontane-Handbuch** / Hrsg. von Chr. Grawe. Stuttgart: Kröner, 2000. 1055 S.
11. **Luhmann N.** Weltkunst // Unbeobachtbare Welt: Über Kunst und Architektur / Hrsg. von N. Luhmann, F. Bunsen. Bielefeld: Haux, 1990. S. 1-45.
12. **Vellusig R.** Ein “Wiederspiel des Lebens, das wir führen”. Fontane und die Authentizität des poetischen Realismus // Zeitschrift für deutsche Philologie. 2006. Bd. 126. H. 2. S. 207-218.

ON SOME PECULIARITIES OF THEODOR FONTANE'S POETIC STYLE

Poluboyarinova Larisa Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
Saint Petersburg State University
larpolub@hotmail.com

The manner of narration of the classic of the German literature Theodor Fontane is analyzed from the perspective of the problem of “authenticity”. This term introduced by a famous philosopher of the Frankfurt School Theodor Adorno as a feature of the modernist literature has been applied to the realist Fontane only sporadically until now. Considering the author’s strategy of Fontane in terms of “authenticity”, the author of the article makes an attempt to enter his creativity in the paradigm of the European Art Nouveau.

Key words and phrases: Theodor Fontane; novel; Theodor W. Adorno; authenticity; realism; modernism; visibility; observer.

УДК 8;821.161.1

В статье исследуется духовно-нравственный опыт героев русской литературы на путях земной любви человека к человеку и в минуты молитвенного умиления в сакральном пространстве православного храма. Автор обращается к идеологеме «русская духовная лестница» и рассматривает некоторые аспекты её разного воплощения в отечественной словесности в соотношении с первообразом Лествицы из книги Иоанна Лествичника «Лестница, возводящая на небо». В этой традиции умиление понимается как одна из ступеней русской духовной лестницы, соединяющая любовь и духовную радость, а также как катарсис душевный, которому предшествуют страдание, смирение и чувство всеответственности.

Ключевые слова и фразы: умиление; катарсис умиления; печаль; смирение; покаяние; духовная радость; сакральное пространство храма; русская духовная лестница.

Полякова Галина Вениаминовна, к. филол. н., доцент
Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск
GrataVerba@yandex.ru

МОТИВ УМИЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Идеи нравственного самосовершенствования, духовного преображения человека лежат в основе русской православной культуры и формируют философию человека в отечественной литературе. Среди книг, окормляющих человечество эпохи христианской цивилизации и в Европе, и в России, бесценна «Лестница, возводящая на небо», книга, созданная в конце VI века игуменом Синайского монастыря Преподобным Иоанном,

получившим в веках имя Лествичник. Ступени Лествицы (30 степеней) – некое руководство для монашествующих и мирян, избравших путь духовно-нравственного восхождения. Седьмая ступень на этом пути – умиление или «радостнотворный плач» [3, с. 161-182].

Книга Преподобного Иоанна, молитвенника и собеседника Ангелов, властно повлияла на русскую художественную словесность. Образ Лествицы ликами горнего идеала увлекал Пушкина, Гоголя, Лескова. В середине XX столетия духовному взору Анны Ахматовой явился «таинственной лестницы взлет» [1, с. 284].

К. В. Мочульский открыл в поучениях старца Зосимы, героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», ступени русской духовной лествицы, ступени мытарств и восхождения русской души: «страдание, смирение, всеответственность, любовь, умиление, радость; вершина её – экстаз» [5, с. 541]. Умиление по этой градации возвышается над сакральной категорией «любовь» и становится ступенью, соединяющей любовь и духовную радость, что заставляет вспомнить откровения Иоанна Лествичника, где об умилении сказано: «Кто облется в блаженный, благодатный плач, как в брачную одежду, тот познал духовный смех души (то есть радость)» [3, с. 171]. Умиление как «брачная одежда» души символизирует союз человеческих душ и судеб, а также молитвенное предстояние души-невесты перед Создателем.

В русском духовно-нравственном миростоянии особенно важен путь человека к человеку, исполнение высочайшего завета: «Возлюби ближнего как себя самого». Любовь дарует людям благодать умиления, духовную радость. В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» любовь и умиление переживают Петром Гринёвым во время первого объяснения в любви с будущей невестой, женой Машей Мироновой. В финале второго тома эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» слово «умиление» повторяется трижды, сопрягая душевный опыт Пьера Безухова и Наташи Ростовской. Сострадав Наташе, Пьер говорит о любви к ней. Улыбка умиления её измученной души окрыляет героя. Стремительно его восхождение по ступеням любви, умиления, духовной радости и обретение неба [10, с. 387].

Можно утверждать, что все герои романного пятикнижия Достоевского, озаренные православной верой (Макар Долгорукий, старец Зосима) и те, кто находил свет вечных истин во тьме жизни, проходят по ступеням духовной лествицы. У каждого из них свой путь, свои надрывы и падения, свои высоты. Раскольникову дано страдание, бунт, новое страдание и смирение, Соне – страдание, смирение, всеответственность, любовь. Алёша Карамазов, потрясенный смертью старца Зосимы и откровениями брата Ивана, в экстремальный момент своей жизни одолевает все ступени лествицы, от страдания до духовной радости и экстаза (книга «Алеша»). Таинство умиления соединяет Алешу на этом пути с блудницей Грушенькой, и они прозревают друг в друге брата и сестру (гл. «Луковка»).

Слёзы умиления Петра Гринева, слёзы «благодарности и умиления» Наташи, «слезы умиления и счастья» Пьера Безухова [Там же], слёзы Грушеньки – все это образы «радостнотворного плача», духовного катарсиса умиления, о котором писал Иоанн Лествичник. Открытая Мочульским в последнем романе Достоевского лествица может быть названа русской духовной лествицей. Воплощая экстатический опыт автора романа «Братья Карамазовы», она становится образной моделью русского духовно-нравственного пути, вариативно повторяясь в разных литературных произведениях. Особый субстанциональный смысл для национальной духовной традиции имеют категории: «страдание», «смирение», «всеответственность», «любовь», «умиление», «радость».

«Истинное умиление есть болезнование души», – писал Иоанн Лествичник [3, с. 168]. Раны душевные, сердечная печаль – источники молитвенного покаянного умиления. Оно достигает особого духовного напряжения в сакральном пространстве православного храма. Истинно, просто и свято в своих глубинах мирозерцание лирического героя в стихотворении А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...». Общехристианская традиция в понимании грехов и вечных ценностей жизни отмечена у поэта неповторимым национальным колоритом: происходит обнажение русской души, преображенной умилением от молитвы и творящей молитву в духовном умилении. Лирический герой сердцем чувствует присутствие Божественной Благодати. Музыка молитвы выразилась в поэтическом строе стихотворения, даруя гармонию умиротворения каждому, кто слышит эти строки.

В первой главе поэмы Н. А. Некрасова «Тишина» (1857 г.) пушкинский мотив молитвенного умиления человеческой души обретает исповедальный, покаянный накал. Образ сельского храма, сакральной вертикали русского пространственного мира, – один из шедевров в поэзии Некрасова. Литературоведов советской формации смущал религиозный пафос покаянной исповеди лирического героя поэмы. Критики эпохи Серебряного века Д. С. Мережковский, Ю. И. Айхенвальд стремились понять его духовный опыт. Болеую противоречивость внутреннего мира некрасовского героя, душевный надрыв в его лирическом самовыражении отметил Мережковский: «В русской литературе нет ничего подобного: никто из русских писателей так не молился или, по крайней мере, так не жаждал молитвы. И то, что он думает одно, а чувствует другое, в Бога не верует, а молится, – не уменьшает, а увеличивает искренность чувства: взрыв тем сильнее, чем пох сжатее» [4, с. 442]. «Взрыв», о котором пишет критик, – это «болезнование» души и катарсис умиления.

Русское религиозное чувство христороцентрично: с детских лет в русской душе живет образ Христа. Сакральность храмового пространства для верующего человека во многом определяется живым присутствием Спасителя и его деятельной любовью к человеку:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул...
Войди! Христос наложит руки

И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной [6, с. 51-52]...

В некрасовском тексте возникают реминисценции и аллюзии из стихотворения Пушкина «Ангел» (1827) с его персонификацией ангельских и демонических сил:

Дух отрицающа, дух сомнеюща	Нет отрицающа, нет сомнеюща,
На духа чистого взирал	И шепчет голос неземной:
И жар невольный умиленья	Лови минуту умиленья... («Тишина») [6, с. 52].
Впервые смутно познавал («Ангел») [8, с. 59].	

В пушкинском вселенском мифе об Ангеле и Демоне, о добре и зле для Некрасова важен один аспект – антиномии человеческого духа, вселенная души, совести, сознания, тот «жар невольный умиленья», который потрясает и очищает человеческую душу, распечатывая в ней ангельское.

Образ «минуты умиления» тоже восходит к пушкинской традиции. В стихотворении Пушкина «Мне вас не жаль, года весны моей...» (1820) впервые встречаются, предвосхищая некрасовский текст, ключевые для будущей поэмы слова «умиление» и «тишина»:

Но где же вы, минуты умиления,
Младых надежд, сердечной тишины [7, с. 145]?

Диалектика смыслового единства этих слов в поэме Некрасова очевидна: умиление как катарсис души – ступень к желанному душевному миру, «сердечной тишине». Образ тишины в поэме не только исторический момент национальной жизни, мир, наступивший после окончания Крымской войны, но и искомое состояние души человеческой, душевный мир, покой, гармония духа, та духовная чистота и цельность, о которой памятливая душа грустит, простившись с детством и младостью.

В лирическом сюжете первой главы поэмы Некрасова возникает движение от единичного к всеобщему, от личного опыта героя к соборному национальному опыту. Храм, открывшийся взору путника, символизирует Божий дом, дом души русского народа:

Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей...
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое время приносил –
И облегченный уходил [6, с. 52]!

Некрасовские образы несут свет духовный и глубинное содержание. «Храм печали» – место молитвенного умиления, сокрушения и покаяния русской души. В этом контексте местоимение в выражении «земли твоей» хранит содержательную многоплановость. Оно указывает на связь лирического героя с родной землей и народом, а также на жребий избранничества русской земли и народа русского, на Промысел Божий в стихиях русской жизни, на народ, соединившийся с Богом во Христе и познавший «святое время» страдания.

Некрасовское слово «облегченный» повторится в сказовом слове крестьянина-старообрядца Марка Александрова о душе, совершающей молитвенное восхождение по ступеням духовной лестницы в сакральном пространстве храма (Н. С. Лесков «Запечатленный ангел»). Когда человек «зрит перед собою изображенную небесную славу», иконы старинные, храмовую роспись, душа его «сейчас и пойдет *облегченная* со ступени на ступень, с каждым шагом усвая себе призывы вышних даров, и в те поры человеку и деньги и вся слава земная при молитве кажутся не иначе как мерзость перед Господом» (*курсив наш – Г. П.*) [2, с. 426]. Образ духовной лестницы оживает и в поэме Некрасова, ибо православный храм изофункционален лестнице, возводящей на небо, а молитва дарит крылья душе.

Мотив умиления в поэме Некрасова на уровне стиля и семантики слов обретает церковнославянский колорит и передает строй православного богослужения, приобщая лирического героя к религиозному опыту народа. Некрасовский образный ряд («минута умиления», «храм печали», «русская печаль», рыдания) соотносим с синонимами слова «умиление» из книги Иоанна Лествичника: «печаль», «блаженный, благодатный плач» [3, с. 171, 174]. Духовный смысл некрасовской образности помогает понять современный «Словарь трудных слов из богослужения...», где первое значение слова «умиление» – «печаль, сокрушение, катарсис», а слова «умилиться» – «сокрушиться, раскатыться» [9, с. 373].

На волне религиозных чувств герой поэмы, переживая покаянное молитвенное умиление, соединяется в своем духовном опыте с народной Россией, с русским Богом:

Я внял... я детски умилелся...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,

Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем [6, с. 52]!

Таинство умиления переживается как приобщение к стихиям русской жизни, реальным, бытийным, метафизическим, как «болезнование» и врачевание души. Неслучайны в поэме и образ православного храма, духовной лестницы, к которой ведут человека пути-дороги земные и небесные, и образы «врачующих» просторов России, и благодарение: «Спасибо, сторона родная, За твой врачующий простор!» [Там же, с. 51].

Катарсис покаянного умиления человека в некрасовской поэме – обжигающая минута его духовно-нравственного бытия, соединяющая страдание, смирение, всеответственность и любовь. Страдание в русской традиции есть начало живой жизни человеческой души, а смирение героя показано как преодоление гордыни, эгоистической замкнутости малого человеческого существования, соединение с русским миром по закону всеответственности и любви.

В 50-е годы XIX века трагедию русской души, души человеческой, отпадающей от Бога, с потрясающей силой воплотили в поэзии Тютчев, Некрасов, Григорьев. Лирический герой поэмы «Тишина», подобно героям Григорьева и Достоевского, носит в душе свет и тьму, веру и неверие, идеал Христа и нравственный беспорядок, подобно тютчевскому герою, «И жаждет веры... но о ней не просит» [12, с. 129].

Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» был опубликован в 1858 году, через год после поэмы «Тишина». В поэме и в романе есть общие мотивы: возвращение главного героя из-за границы в Россию, обретение родины, самого себя, преобразование мира души. Для лирического героя поэмы Некрасова судьбоносным стало единение с народом в потоке русской истории, в пространственной раме родных природных ландшафтов, в сакральном космосе православного храма. Федор Лаврецкий, герой романа Тургенева, тоже идёт к народу: стремится понять историю своего рода, переживает многовековую вину дворянства перед народом, встаёт на путь опрощенья. Роман Тургенева, как и поэма Некрасова, лиро-эпическое повествование о России и русском человеке.

Содержательно художественное пространство в романе: усадебный дом с окнами, открытыми в сад, границы которого давно породнились со среднерусскими пейзажами (Покровское, Васильевское, городская усадьба Калитиных). Дворянское гнездо – не только усадебный хронотоп, но и мир русской души. Обретение родины для Лаврецкого – это и его любовь к Лизе, приближение к её духовному опыту. Достоевский справедливо сравнил две незабвенные версии русского национального характера – Татьяну Ларину и Лизу Калитину, женщину-жену в финале романа «Евгений Онегин» и девушку, принимающую монашеский постриг, Христову невесту.

Эпизоды, в которых герои Некрасова и Тургенева показаны в ограде православного храма, можно отнести к смысловым контрапунктам художественных текстов. Являясь частью целого, они несут идею всего произведения – обретение родины русским человеком через приобщение к национальным религиозно-нравственным традициям.

Лаврецкий и Лиза встретились в храме во время воскресной обедни. Она пришла раньше него, а во время молитвы почувствовала его появление, хотя и не обернулась к нему. С проникновенностью влюблённого человека Лаврецкий открывает в облике девушки то, что не дано видеть другим: усердность молитвы, тихий свет её глаз, тихое движение головы при земных поклонах. Ему понятна даже сокровенная тайна её молитвы: «она молилась и за него, – и чудное умиление наполнило его душу» (*здесь и далее курсив наш – Г. П.*) [11, с. 97]. Умиление переживается в стенах русского православного храма: вокруг «чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану» [Там же]. Приглушённые свет и тьма, «длинные косые лучи от окон» и «темнота стен и сводов» [Там же] создают атмосферу трепетного и проникновенного обетования человеческой души. Внешние детали по законам тургеневской прозы, в традициях психологической тайнописи не только оттеняют душевный опыт героя, но и так много «говорят» его сердцу. Умиление, вызванное молитвой Лизы и соборной храмовой молитвой, дарит герою и душевную гармонию, и «болезнование» души: «Ему было и хорошо и немного совестно» [Там же].

В чудном умилении Лаврецкий не произносит никаких молитвенных слов, но «на мгновение если не телом, то всем помыслом своим повернулся ниц и принял *смирненно* к земле» [Там же]. Молчание уст и смирение – духовные знаки молитвенного состояния души: «молчание есть мать молитвы... училище плача, друг слёз... споспешник спасительной печали... сокровенное восхождение» [3, с. 203-204]. Смирение как ипостась душевного опыта всегда связано с осознанием своих недостатков, с преодолением человеческой гордыни, тщеславия. На почве смирения рождаются покаяние и милость прощения другого человека.

Тургенев неожиданно отступает от поэтики тайного психологизма и передаёт внутренний монолог героя, навеянный воспоминаниями о детстве. В те давние годы Лаврецкий молился до тех пор, «пока не ощущал у себя на лбу как бы чьего-то свежего прикосновения; это, думал он тогда, ангел-хранитель принимает меня и кладёт на меня печать избрания» [11, с. 97]. Детская память об ангеле-хранителе обостряет его духовную впечатлительность в восприятии Лизы, её молитвы: «Ты меня сюда привела, коснись же меня, коснись моей души» [Там же]. Лицо девушки «показалось ему *радостным*, и он *умиленно* вновь, он попросил другой душе – покоя, своей – *прощенья*...» [Там же]. Тургенев невольно повторяет пушкинский метафизический сюжет (стихотворение «Отцы-пустынники и жены непорочны...»): умиление человека от молитвы и рождение его молитвы в умилении. Лаврецкий молится о душевном покое своей неверной жены, переживая благодать

прощения другого человека. В православной традиции прощение почитается как наивысшая добродетель, это момент покаяния, блаженной незлобивости, кротости душевной, любви к ближнему, преодолевающей преграды себялюбия и эгоизма обид.

«Размышляя о свойствах умиления, – писал Иоанн Лествичник, – изумляюсь тому, каким образом плач и так называемая печаль заключают в себе радость и веселие, как мёд заключается в соте» [3, с. 173-174]. Герои Тургенева встретились после воскресной обедни на паперти храма, и «она приветствовала его с весёлой и ласковой важностью» [11, с. 97]. Весёлая ласковость и радость были во всём: и в улыбке Лаврецкого, и в лучах яркого солнца, освещавшего молодую траву, и в музыке колокольного перезвона, и в чириканье воробьёв на заборах. Душевное умиление, через которое прошли Лаврецкий и Лиза во время богослужения, таило в себе сладостное преобразование человеческой печали в радость и веселие души.

В изображении Некрасова и Тургенева молитвенное умиление имеет христианскую каноничность, в своих духовных чертах повторяет откровения Иоанна Лествичника и обнажает национально-типическое в душевной жизни героев. Умиление возвращает человека к утраченной детской чистоте души через катарсис покаяния, мгновенный, но благодатный. Лирический герой Некрасова «детски умилился», Лаврецкий, как в детстве, ждал ангельского прикосновения к своей душе. Склонность к покаянию, дар прощения – черты русского духовного менталитета.

В минуты покаянного умиления предельно обнажены неповторимые черты внутреннего мира героев. Покаяние может совершаться бурно, надрывно, выражая антиномии человеческого сознания и духа, и как таинство благодной всепрощающей любви-умиления души, устремлённой к цельности и полноте бытия. Умиление, пережитое русскими литературными героями, есть высшее проявление любви, интимное и сакральное в своей просветлённости предстояние души перед душой другого человека, перед красотой мира и его Создателем.

Принимая идеологему «русская духовная лестница», следует заметить, что ступени этой свободной образной модели вариативны. Они воплощают опыт русской души во всей его многогранности, тот опыт, который стал духовно-нравственным достоянием человека в произведениях русских авторов. Любовь, умиление, радость – высшие ступени лестницы, образного эквивалента русского духовного пути, пути преобразования и сокровенного восхождения души к горнему идеалу.

Озаряя особым смыслом всю русскую культуру, образ умиления, духовной ипостаси любви, явлен в русской иконописи. Богородичные иконы, написанные по канону «умиление», символизируют вечную самоотверженную любовь и таинство жизни. Богородица касается щекой щеки Младенца, трепетно соединяя Земную правду с правдой Небесной. Таковы особо почитаемые на Руси иконы: Богоматерь Владимирская, Феодоровская, Толгская, Ярославская, Псковско-Печерская, Игореvская, Донская, Яхромская...

Список литературы

1. Ахматова А. А. Собр. соч.: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 448 с.
2. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 450 с.
3. Лествичник Иоанн. Лестница, возводящая на небо. М.: Лестница; Правило веры, 1996. 672 с.
4. Мережковский Д. С. В тихом омуте. М.: Сов. писатель, 1991. 492 с.
5. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. 608 с.
6. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. 656 с.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1944. Т. 2. 606 с.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3. 635 с.
9. Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.
10. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5. 429 с.
11. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1981. Т. 6. 496 с.
12. Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.

THE MOTIVE OF AFFECTION IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Polyakova Galina Veniaminovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
GrataVerba@yandex.ru

The article examines the spiritual and moral experience of the heroes of Russian literature on the path to an earthly love of a human to human and in the moments of prayerful affection in the sacred space of an Orthodox church. The author focuses on the ideologeme “Russian spiritual ladder” and examines certain aspects of its figurative implementation in the national literature in the correlation with the prototype of a Ladder from the book by Saint John Climacus “Ladder of Divine Ascent”. In this tradition the affection is interpreted as one of the steps of Russian spiritual ladder integrating the love and spiritual joy and also as an emotional catharsis which is preceded by suffering, humility and the feeling of universal responsibility.

Key words and phrases: affection; catharsis of affection; sorrow; humility; confession; spiritual joy; sacred space of a church; Russian spiritual ladder.